

УДК 364.054:930.253(470.6)

МОНАСТЫРСКАЯ ЖИЗНЬ В ПЕРВЫХ МОНАСТЫРЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ДО СЕРЕДИНЫ XIX в.

© Павел Григорьевич НЕМАШКАЛОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права
Ставропольский государственный педагогический институт
355029, Российская Федерация, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417 «А»
E-mail: paul_2@rambler.ru

Произошедшие в последнее время изменения в жизни нашей страны привели к переоценке многих общественных ценностей. В поисках национальной идентичности государство и общество начало активно возрождать церковную жизнь. Особую роль в истории Русской православной церкви играла монастырская деятельность, которая требует изучения, чтобы в современных условиях использовать положительный опыт, выработанный в течение многих веков православными обителями как духовно-религиозными и социальными центрами, очагами православной культуры. На окраинах страны монастыри являлись центрами православной культуры в разные периоды расцвета и упадка христианства, а иногда и полного исчезновения. При распространении православия в поликультурном и поликонфессиональном регионе, каким был Северный Кавказ, монастырям отводилась миссионерская функция. Имея большой авторитет, они оказывали влияние на все сферы жизни этих территорий, наставляя и приобщая население контактных зон к христианству. На Северном Кавказе монастырская жизнь имела свои особенности и традиции, отличные от других районов Центральной России. Привлечение ранее неопубликованных источников позволило провести и реконструировать деятельность монастырей, определить их роль в колонизации региона. История РПЦ на Северном Кавказе значима не только в качестве самостоятельного предмета исследования, но и как неотъемлемая часть гражданской истории, объективное изучение которой невозможно без рассмотрения деятельности монашества в регионе.

Ключевые слова: история Русской православной церкви; Северный Кавказ; монастыри; поликонфессиональность; социальная история; колонизация

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-10(162)-89-95

Православные монастыри с момента возникновения христианской религии на территории России несут духовно-нравственное просвещение и очищение народа. Не стоит приуменьшать их просветительскую и колонизационную деятельность относительно народов, которые при их посредничестве соприкасались с великой русской культурой.

На протяжении всего XVIII в. система церковной жизни неоднократно подвергалась самодержавием реформированию. Основной целью данных преобразований было превращение священно- и церковнослужителей в «полезных для государства людей», рассмотрение церковных вопросов с точки зрения государственных интересов и сведение православной религии к обрядовому делу. Однако двигают вперед дело веры праведники, чтимые народом – «те люди, для создания которых вернейший путь – монастырь» [1, с. 23].

Указ Екатерины II от 26 февраля 1764 г., больше известный под названием «Духовных штатов», является Рубиконом в жизни монастырей. Данным указом у монастырей изы-

малось все имущество за исключением небольшой части земли и служителей, назначалось жалование, соразмерное знатности и важности монастыря. Все обители делились на три класса с установлением нормы штатов монахов и монахинь, которые находились в разном статусе. Монастыри, не вошедшие в число штатных, были оставлены на самообеспечение и получили статус «заштатных», то есть не получали от казны никакого финансирования, однако их большая часть была закрыта или реорганизована в приходские церкви. Поскольку включение Кавказа в состав Российской империи было сопряжено с длительными военными действиями, то на Кавказе для монастырей особых штатов не создавалось, издавались разновременные указы, касающиеся их устройства.

Первые монастыри появляются на Северном Кавказе с первыми системными попытками колонизации региона. Возникновение мужского Кизлярского Крестовоздвиженского монастыря связано с упразднением крепости Святого креста на реке Сулак по

Гянджинскому договору между Россией и Ираном в 1835 г. и переводом гарнизона крепости и административных учреждений в основанный город Кизляр [2, с. 192]. Поскольку город имел важное стратегическое положение, то он быстро стал и центром распространения православия.

Судьба Кизлярского Крестовоздвиженского монастыря тесно переплеталась с жизнью самого города. Разорительные набеги горцев и стихийные бедствия не раз приводили к его упадку, но вторая половина XVIII в. является периодом расцвета обители. Монастырь располагал достаточными доходами, позволившими провести масштабные строительные работы, включая монастырскую церковь. Отряды горцев 1 ноября 1831 г. под предводительством Кази-Мулы подвергли опустошительному разорению город и монастырь. После этого набега монастырское хозяйство пришло в упадок, а сил малочисленной братии не хватало на восстановление разрушенного [3]. Видимо, после этого случая на содержание братии монастыря Святейшим правительствующим синодом было положено содержание в размере 257 руб. 13 коп. серебром в год [4, л. 4-5].

Случавшиеся беды не могли сломить духа монастыря, который отличался строгостью нравов. На исправление сюда послушниками посылали лиц духовного звания из числа приходского духовенства за разные предосудительные поступки, противные занимаемому сану, а срок пребывания в стенах обители зависел от тяжести совершенного деяния [5; 6]. Не только приходское духовенство, но члены братии других монастырей отбывали назначаемую епитимию. Так, например, монахи Константин и Матфей, иеродиакон Ириной как «подозрительные в поведении и вредного поступками для Черноморской Екатеринолебежской Николаевской пустыни для научения доброй нравственности и послушанию переведены в Крестовоздвиженский Кизлярский монастырь» [7, л. 30-33]. Тех, кто не мог выдерживать местного климата, переводили в Кременский Донской монастырь под надзор игумена на тех же условиях, что направлялись в Кизлярский монастырь строителю.

Высокий уровень православного духа поддерживался строителем монастыря иеромонахом Вениамином, назначенного к этой

должности 14 марта 1827 г. Сын военнотружашаго отставнаго поселенца, из великороссиян, в 26 лет постриженнаго в монашество в Астраханском Болдгинском монастыре 14 сентября 1801 г. Какое-то время он находился в братии Астраханскаго архиерейскаго дома крестовым иеромонахом и духовником, после был определен строителем Астраханскаго Покрово-Болдгинскаго монастыря [7, л. 81]. При этом сама братия монастыря на 1843 г. состояла только из лиц, рожденных в духовном звании, то есть в семьях священников [7, л. 1-3] (табл. 1).

Члены братии несли свою службу не только в стенах монастыря, но и по нехватке армейскаго духовенства посылались для исправления богослужения и христианских треб Епархиальным начальством в действующую армию, охранявшую границу от прорывов горцев [8, л. 1-7]. При этом в самом монастыре в 1844 г. кроме строителей не оказалось действующих священников. Епископ Кавказский и Черноморский Иеремия предписал Кизлярскому протоиерею Мурадханову, чтобы до прибытия в монастырь постоянных священников он поочередно командировал из собора и двуштатных церквей священников для ежедневнаго отправления в монастырь и богослужения [7, л. 18-19].

Не менее значимой для колонизации региона была Моздокская крепость, на поселение в которую некрещеных не пускали. Возникший в 1763 г. мужской Преображенский Моздокский монастырь продолжил начатое распространение православия. В 1797 г. при учреждении самостоятельной Моздокской епархии указом Екатерины II открывается первый на Северном Кавказе женский монастырь при Успенской городской церкви [9, с. 211, 288]. Однако время не дало возможности проявления всего их потенциала, поскольку в 1799 г. обе обители были упразднены, а послушники с братией переведены в другие монастыри.

На основании указа Синода, сделаннаго с распоряжений Екатерины II от 24 июля 1794 г. на основе прошения кошевого атамана Захариям Чепеги, разрешалось устроить в 100 верстах к северу от Екатеринодара монашескую обитель, предназначенную для раненых казаков, «желающих спокойной монашескаго жизни». По этому положению определялся штат монастыря: настоятель,

Таблица 1
Состав братии заштатного Кизлярского Крестовоздвиженского монастыря за 1843 г.

Какое число по штату надлежит										Ныне налицо находится								Где против штатного положения					
Архимандритов	Игуменов	Строителей	Экономов	Казначеев	Иеромонахов	Иеродьяконов	Служебных и прочих рядовых	Больничных	Итого	Архимандритов	Игуменов	Строителей	Казначеев	Иеромонахов	Священников	Иеродьяконов	Дьяконов	Служебных и прочих рядовых	Итого	Каких чинов излишнее	Число людей	Каких чинов не достает	Число людей
-	-	1	-	-	2	2	2	-	7	-	-	1	-	-	2	-	1	4	8	Священников	2	-	-
																				Послушников	4	-	-

тридцать монахов и послушников, десять больных – всего 41 человек [10]. Созданный монастырь не пользовался содержанием от казны, его обеспечение велось из сумм Черноморского войска по примеру штатных монастырей империи.

В начале XIX в. хозяйство монастыря включало четыре мельницы, три рыбных завода и кирпичный завод, находящихся в собственности монастыря, пожертвованных в разный период частными лицами. На территории монастыря был выстроен настоятельский, братский корпус, церкви, гостиничные и комитетский дома, конюшни и хозяйственные сараи [11, л. 77-79об.]. Помимо этого монахи продавали свечи, пользовались частью доходов кружечных пожертвований и кошелевого сбора за сорокоусты и поминальные молитвы. Основанный на средства Черноморского войска в финансовой части монастырь ограничивался в участии распоряжения имеющихся средств Строительным комитетом, сформированным из офицеров. Настоятеля монастыря «почитали человеком сторонним и под властью комитета», а на вступление в должность и председательство в комитете требовали предъявления особого указа от Войскового правления.

С 3 ноября 1840 г. настоятелем монастыря назначен архимандрит Дионисий, который происходил из священнической семьи. Выпускник Курской семинарии 1825 г., по окончании которой утвержден в степени студента, исполнял различные должности в духовном ведомстве – от священника Воронежской епархии слободы Алексеевки и учителя уездного училища до благочинного над всеми монастырями Новочеркасской епархии. Епископом Кавказским и Черноморским Иеремиею с 28 мая 1843 г. определен членом Кавказской духовной консистории, а с 13 июля 1843 г. ему было поручено первоприсутствовать в Екатеринодарском духовном правлении [7, л. 34об.-37].

В этот период братия монастыря состояла в большинстве избывших казаков, но в ней имелись выходцы из духовного сословия (иеромонах Тарфений, дьякон Тимофей Затонский) и дворянского сословия (иеродьякон Поликарп, монах Киприан), а монах Доррофей происходил из польских шляхтичей. Равно и послушниками монастыря были выходцы из казачьего сословия, за исключением Николая Даниленко, происходившего из дворян, и Григория Девичкого из духовного сословия [7, л. 38-57] (табл. 2).

Послушники, принятые в монастырь, не утверждались в звании до окончательного увольнения из казачьего сословия Войсковой канцелярией. Их назначали в обучение и послушание к старцам, к выполнению работ по указанию настоятеля, первые три года им запрещалось потребление спиртного, а к исповеди и причастию допускались четыре раза в году по окончании постов. Для пострига в монашество Консистория руководствовалась не только временем пребывания в монастыре и «в искусе по свидетельствам о его поведении», но и имеющихся монашеских вакансий на территории епархии [12, л. 14-14об.]. При этом на пострижение требовалось разрешение Святейшего синода, которым был установлен возрастной ценз, для мужчин – 30 лет от рождения, женщинам – 40 [13]. Настоятель монастыря, с согласия Епархиального руководства, мог неспособных к прохождению должности по старости и неспособности к послушанию из штата монастыря исключать, а на их места принимать из числа имеющихся послушников [12, л. 29-33].

Видимо, противостояние настоятеля архимандрита Дионисия со Строительным комитетом вынудило его ходатайствовать о перемещении по причине расстроенного здоровья в какой-либо монастырь из находящихся внутри российских епархий. Синод 15 октября 1843 г. определил его настоятелем в Симбирскую епархию в Алатырский Троицкий монастырь. Епископ Кавказский и Черноморский Иеремия ходатайствовал перед Синодом об оставлении архимандрита Дионисия на настоящем его месте «как человека полезного здешнему краю, давно познавшего дух и потребности его, тем паче что я не имею в виду кто бы мог заменить его здесь»? [11, л. 1-2] К своему ходатайству он приложил письмо командующего войсками генерала от кавалерии Н. Заводовского, в котором тот указал, «что, посещая пустынь, видел успешные и благие действия Комитета по хозяйственной части, которые нужно приписать председателю его архимандриту Дионисию <...> на мое рассуждение о его отъезде он сказал, что к переводу побуждало его расстройство здоровья, и приписывал местности монастыря, но теперь, освоившись в климате, чувствует себя лучше и готов остаться <...> я прошу распоряжения вашего о оставлении архимандрита» [11, л. 13-13об.].

Расстроенное здоровье архимандрита Дионисия вынудило его вновь просить о переводе в среднюю полосу России, которое было удовлетворено Синодом в 1850 г., и велено было перевести его на таковую же должность Тамбовской епархии в Шацкий Николаевский Чернеев монастырь, на его место в Черноморскую Екатеринолебежскую Николаевскую пустынь перевести известного хорошими качествами Чернеевского монастыря архимандрита Никона. Назначенный архимандрит Никон Конобеевский, еще обучаясь в Тамбовской семинарии, по собственному желанию был принят в Шацкий Николаевский монастырь, а по окончании семинарии сразу 29 декабря 1829 г. поступил в монашество Предтеченского Трегуляевского монастыря. Определенный Тамбовским семинарским правлением учителем вместе со своими учениками в 1830 г. сдал экзамен на степень студента. В Тамбовской епархии исполнял должности: учителя уездного училища; губернского инспектора Тамбовских училищ; при Архиерейском доме в разное время был казначеем, ризничим и экономом; строителем и игуменом Лебежанского монастыря и др. [11, л. 49-51об.].

При новом настоятеле обострились отношения со Строительным комитетом, в ведении которого находилось все монастырское имущество и сумма, все отчеты подавались им войсковому правлению, а настоятель не принимал никаких предметов монастырской экономии. При этом архимандрит Никон самостоятельно провел ревизию имеющегося имущества и представил отчет в Кавказскую консисторию. В нем он пришел к выводу, что она находится в величайшем упадке, поскольку: «все четыре мельницы стоят без действия, настоятельский корпус с церковью при нем близок к совершенному разрушению, на братском корпусе, что на южной стороне, и гостиничном доме кровля пришла в совершенную ветхость, корпус, где помещается комитет, близок к разрушению <...> планов и межевых книг сих пустынных земель нигде в прописке не было и не имеется» [11, л. 71-72]. Подводя итог, он указал, что если продолжится означенное опустошение, то многие здания и заведения монастырские должны неминуемо уничтожиться.

Обрушив на Кавказскую духовную консисторию и к епископу Иоанникию серию

рапортов, в которых Никон выражает недовольство предшественником относительно состояния оставленного имущества и отсутствия порядка в делах монастыря, он принимается к реорганизации управления и оставшегося имущества. Вместе с братией и назначенными от Войскового начальства была составлена подробная опись имущества, которое невозможно было оценить, поскольку приобреталось оно в разное время с самого основания пустыни и пришло в полную негодность [11, л. 67-69].

Настоятелем по недостаточности монастырских экономических сумм у Войскового правления было взято 3 тыс. руб. серебром в беспроцентный кредит на три года, которые были употреблены на усовершенствование экономики монастыря, и в отчетах о проделанных работах за 1853 г. находим, что: из четырех мельниц две починены и работают;

из трех рыбных заводов только лиманный, что близь пустыни, приводится в надлежащий порядок, остальные брошены; настоятельский корпус с церковью в 1852 г. весь разобран и уничтожен, а вместо него сделан новый каменный с церковью; начаты работы по реконструкции братского корпуса, который перекрыли железом; начато строительство настоятельского дома; гостиничный и комитетский корпуса починены; крыши каретного сарая и конюшен, сараев и банк починены и вновь выкрашены; гостиничный деревянный дом переделан вновь и покрыт в два тиоса и выкрашен; каменный гостиничный дом, что на восточной стороне, внутри переделан, а кровля окрашена медянкою; гостиничный дом каменный, что в Кимовии, переделан и вновь покрыт железом, крашеным мумиею» [11, л. 77-79об.].

Таблица 2
Состав братии Черноморской Екатерино-Лебяжьей пустыни за 1843 г.

Какое число по штату надлежит								Ныне налицо находится								Где против штатного положения					
Архимандритов	Игуменов	Строителей	Иеромонахов	Иеродьяконов	Монахов	Послушников	Итого	Архимандритов	Игуменов	Строителей	Иеромонахов	Священников	Иеродьяконов	Дьяконов	Монахов	Послушников	Итого	Каких чинов излишнее	Число людей	Каких чинов не достает	Число людей
1	-	-	10	6	12	12	41	1	-	-	7	-	5	1	12	24	49	Одних послушников	12	Иеромонахов	4

Таблица 3
Ведомость о монастырях и монашествующем духовенстве по Кавказской епархии за 1843 г.

Наименование монастырей		Число монастырей	По штату положено	Налицо состоит	Недостает штата	Сверх того послушников
Мужские монастыри						
1	Войска Черноморского Екатеринолебжская Николаевская пустынь	1	29	26	3	24
2	Кизлярский Крестовоздвиженский	1	7	4	3	4
Женских монастырей нет						
Итого		2	36	30	6	28

Настоятелем устойчиво поднимается вопрос о двойственности управления монастырским экономическим имуществом, которое, по его мнению, бесполезно как для пустыни, так особенно для нравственной части монашествующих. Просит повелеть из числа братии определить эконома. Это противостояние закончилось отстранением Комитета от участия в управлении экономией монастыря 29 января 1854 г. [11, л. 82-84]. Однако официально монастырь поступил в полное ведение Кавказской епархии только в 1872 г., когда в собственность от Черноморского казачьего войска было предоставлено 522 десятины войсковой земли, все движимое и недвижимое имущество с единовременным капиталом в 50000 руб. [9, с. 284].

Епископ Кавказский и Черноморский Иеремия к Святейшему правительствующему синоду 25 января 1844 г. с сожалением отмечал о том, что при монастырях, состоящих в Кавказской епархии, никого на покаянии из людей светского звания в течение прошлого года не было [7, л. 85]. До учреждения самостоятельной епархии на Северном Кавказе можно отметить упадок монастырской жизни (табл. 3).

Колонизация региона ставила задачей включение местных народов в систему отношений Российской империи. Пребывание духовенства под управлением множества епархий и особенности военной жизни привели к возникновению самостоятельных традиций религиозной жизни. Государство рассчитывало за счет строительства монастырей укрепить позиции в крае. Создаваемые обители были заштатными и развивались за счет пожертвований и собственного хозяйства. Разрешение экономических проблем в этот период вводило монастыри от самой цели иноческой жизни – духовно-нравственное развитие. Активное участие Войскового правления в жизни обители имело больше отрицательный характер, поскольку тормозило развитие самой обители. Только учреждение самостоятельной Кавказской епархии дало возможность преодоления сложившихся проблем и новый импульс к развитию монастырской жизни и иночества на Северном Кавказе.

Список литературы

1. *Поселянин Е.* Русская церковь и русские подвижники XVIII века. Спб., 1905.

2. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем / сост. и изд. В.В. Зверинский. Ч. 2: Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 гг. Спб., 1892.
3. Глава VIII. Монастыри и монашество. URL: <http://www.ive1875.narod.ru/texts/skriptcand/g8.htm> (дата обращения: 19.02.2016).
4. ГАСК (Государственный архив Ставропольского края). Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 890.
5. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 340.
6. ГАСК. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 410.
7. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 169.
8. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 159.
9. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем / сост. и изд. В.В. Зверинский. Ч. 1: Преобразование старых и учреждение новых монастырей с 1764–1895 по 1 июля 1890 год. Спб., 1890.
10. История монастыря. URL: <http://leb-pust.cerkov.ru/istoriya-monastyrya/> (дата обращения: 19.02.2016).
11. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 192.
12. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 213.
13. Собрание законов Российской империи. 1842. Т. 9. Ст. 239, 240.

References

1. Poselyanin E. *Russkaya tserkov' i russkie podvizhniki XVIII veka* [Russian church and Russian enthusiasts of XVIII century]. St. Petersburg, 1905. (In Russian).
2. *Material dlya istoriko-topograficheskogo issledovaniya o pravoslavnykh monastyryakh v Rossiyskoy imperii s bibliograficheskim ukazatelem* [Material for historical-topographical investigation on orthodoxal abbeys in Russian Empire with bibliographical reference], compiler and publ. V.V. Zverinskiy. Part 2: Monastyri po shtatam 1764, 1786 i 1795 godov [Abbeys in states of 1764, 1786 and 1795 years]. St. Petersburg, 1892. (In Russian).
3. *Glava VIII. Monastyri i monashestvo* [Chapter 8. Abbeys and monkery]. Available at: <http://www.ive1875.narod.ru/texts/skriptcand/g8.htm> (accessed 19.02.2016).
4. GASK (Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya) [State archive of Stavropol territory], fund 135, file 1, archival unit 890. (In Russian, unpublished).
5. GASK (Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya) [State archive of Stavropol territory], fund 135, file 1, archival unit 340. (In Russian, unpublished).

6. GASK (Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya) [State archive of Stavropol territory], fund 135, file 1, archival unit 410. (In Russian, unpublished).
7. GASK (Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya) [State archive of Stavropol territory], fund 135, file 1, archival unit 169. (In Russian, unpublished).
8. GASK (Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya) [State archive of Stavropol territory], fund 135, file 1, archival unit 159. (In Russian, unpublished).
9. *Material dlya istoriko-topograficheskogo issledovaniya o pravoslavnykh monastyryakh v Rossiyskoy imperii s bibliograficheskimi ukazatelem* [Material for historical-topographical investigation on orthodox abbeys in Russian Empire with bibliographical reference], compiler and publ. V.V. Zverinskiy. Part 1: Preobrazovanie starykh i uchrezhdenie novykh monastyrey s 1764–1895 po 1 iyulya 1890 god [Reformation of old abbeys and formation of new ones from 1764–1895 to the 1st of July, 1890]. St. Petersburg, 1890. (In Russian).
10. *Istoriya monastyrya* [History of the abbey]. Available at: <http://leb-pust.cerkov.ru/istoriya-monastyrya/> (accessed 19.02.2016).
11. GASK (Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya) [State archive of Stavropol territory], fund 135, file 1, archival unit 192. (In Russian, unpublished).
12. GASK (Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya) [State archive of Stavropol territory], fund 135, file 1, archival unit 213. (In Russian, unpublished).
13. *Sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Collection of Laws of the Russian Empire]. 1842, vol. 9, art. 239, 240. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.03.2016 г.
Received 10 March 2016

UDC 364.054:930.253 (470.6)

MONACHISM IN THE FIRST MONASTERIES OF NORTH CAUCASUS BEFORE THE MIDDLE OF XIX CENTURY

Pavel Grigorevich NEMASHKALOV

Candidate of History, Associate Professor of History and Law Department

Stavropol State Pedagogical Institute

417A Lenina St., Stavropol, Russian Federation, 355029

E-mail: paul_2@rambler.ru

What happened in recent years changes in the life of our country have led to a reassessment of many social values. In search of national identity of the state and society began to actively revive church life. A special role in the history of the Russian Orthodox Church played a monastic activity that requires a study to be used in the present conditions the positive experience developed in the course of many centuries Orthodox monasteries as a spiritual and religious and social centers, centers of Orthodox culture. On the outskirts of mills monasteries were the centers of Orthodox culture in different periods of prosperity and decline of Christianity, and sometimes complete disappearance. In the propagation of Orthodoxy in a multicultural and multi-confessional region, as was the North Caucasus, the monasteries were assigned to missionary function. With great authority, they had an impact on all spheres of life of these areas, and you can join instructing the population to Christianity contact zones. In the North Caucasus the monastic life had its own characteristics and traditions different from other regions of Central Russia. Involvement of previously unpublished sources allowed hold and reconstruct the activities of monasteries, to determine their role in the colonization of the region. The history of the Russian Orthodox Church in the North Caucasus is significant not only as an independent subject of study, but also as an integral part of civil history, objective examination of which is impossible without consideration of monasticism in the region.

Key words: history of the Russian Orthodox Church; the North Caucasus; the monasteries; poly-confessional; social history; colonization

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-10(162)-89-95

Информация для цитирования:

Немашкалов П.Г. Монастырская жизнь в первых монастырях Северного Кавказа до середины XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 10 (162). С. 89-95. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-10(162)-89-95.

Nemashkalov P.G. Monastyrskaya zhizn' v pervykh monastyryakh Severnogo Kavkaza do serediny XIX v. [Monachism in the first monasteries of North Caucasus before the middle of XIX century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2016, vol. 21, no. 10 (162), pp. 89-95. DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-10(162)-89-95. (In Russian).